

Обернувшись, Сюэ Му увидел всё это, и на душе у него стало тяжело. Он повернулся к окну, глядя на слоистые облака, и его сердце, казалось, плыло в этих облаках. Но это было не чувство счастья, а скорее ощущение неуверенности и зыбкости. Сюэ Му посмотрел на заднее сиденье, где Ань И смотрел на него. С тех пор, как он поменялся местами с Хэ Шаоцзюнем, Сюэ Му больше не говорил ни слова. Его лицо было спокойным, но Ань И чувствовал, что под этой маской скрывались трещины.

Ань И не понимал, зачем Сюэ Му пришел, если ему так тяжело видеть, как Хэ Шаоцзюнь и Цюй Нин демонстрируют свои чувства. Ань И чувствовал, что сейчас он видит настоящего Сюэ Му — человека с тонкой и ранимой душой, который любит, но может быть только братом. Обычно он казался высокомерным и наглым отпрыском чиновника, но сейчас, видя, как он мучает себя, Ань И почувствовал к нему симпатию.

Вэнь Цзыхуа продолжал смотреть в окно, наблюдая за изменяющимся пейзажем. Здания становились все меньше, земля исчезала, а облака сгущались. Для него все это было новым и увлекательным, как будто он открыл новый мир. Но вскоре у него начала болеть голова, и глаза стали затуманиваться. Неужели это была знаменитая воздушная болезнь?

Когда стюардесса принесла воду, он быстро нашел в сумке таблетки от укачивания и принял одну. Но головная боль усиливалась. Болело, когда он наклонял голову, когда поднимал ее, когда упирался в спинку кресла или в сиденье перед собой. Каждое движение самолета отдавалось в его голове, и он чувствовал себя ужасно.

Сидевший рядом Дун Жуй заметил его беспокойство и, увидев, как он хмурится, догадался, что Вэнь Цзыхуа укачало. Не убрал подлокотник между ними и сказал:

— Давай, положи голову на мое плечо.

Вэнь Цзыхуа осторожно прижался к нему, положив голову на его твердое и широкое плечо. Тело Дун Жуй смягчило тряску, и голова перестала так сильно кружиться. Тепло тела Дун Жуй также успокоило его, и он почувствовал ту самую безопасность, которую искал. Неосознанно он придвинулся еще ближе.

Самолет приземлился в аэропорту Гуйлинь Лянцзян. Цюй Нин, ожидая багаж, спросил Хэ Шаоцзюня:

— Ты везешь нас на реку Лицзян?

Хэ Шаоцзюнь всегда держал планы в секрете.

— Если хочешь, можем поехать туда первым делом, — Хэ Шаоцзюнь указал Цюй Нину на вещи. Помимо багажа, он сдал в багаж четыре большие коробки.

— Что это? — Цюй Нин поднял коробки на тележку, чувствуя их тяжесть.

— Для подарков, — Хэ Шаоцзюнь коротко ответил.

Их встретил молодой человек с круглым лицом, который приехал на внедорожнике. Цюй Нин подумал, что он будет их гидом, но, как только они добрались до города, парень попрощался и передал ключи от машины Хэ Шаоцзюню. Шестеро быстро поели, и Хэ Шаоцзюнь выехал на шоссе. Как он сказал, нужно было спешить, иначе ночевать пришлось бы в глуши.

Цюй Нин задремал в машине, а когда открыл глаза, увидел, что они уже два часа едут по

шоссе. Остальные четверо тоже спали. Он потянулся, посмотрел на часы и сказал Хэ Шаоцзюню:

— На следующей остановке смени меня за рулем.

— Ты знаешь дорогу? — Хэ Шаоцзюнь бросил на него взгляд.

Цюй Нин достал апельсиновую конфету, развернул ее и поднес ко рту Хэ Шаоцзюня:

— На шоссе не нужно знать дорогу. Просто скажи, где съезжать.

Хэ Шаоцзюнь промычал, посмотрел на конфету:

— Не хочу.

Цюй Нин убрал руку и положил конфету себе в рот, затем достал из кармана Хэ Шаоцзюня пачку сигарет, вытащил одну, закурил и поднес к его губам.

Хэ Шаоцзюнь затаился, чтобы взбодриться, и, увидев, как губы Цюй Нина двигаются, сосу конфету, он вдруг почувствовал жар. Он резко затормозил и остановил машину на обочине.

Цюй Нин, не ожидая этого, резко наклонился вперед, а когда откинулся назад, перед глазами потемнело. Хэ Шаоцзюнь одной рукой обхватил его затылок, а губы прижались к его губам, язык проник в рот и забрал конфету. Цюй Нин в ответ укусил его за губу, но это только усилило поцелуй. Сладкий апельсиновый сироп смешался в их ртах.

Остальные четверо, разбуженные резким торможением, смотрели вперед, думая, что произошло что-то серьезное. Но, увидев, что происходит, они почувствовали желание поколоть их обоих.

— Черт, — выругался Сюэ Му, его настроение окончательно испортилось.

Дун Жуй, стиснув зубы, прокричал вперед:

— Слушай, мамаша, ты публично целуешься с любовником, а как же я, отец твоего ребенка?

Цюй Нин закатил глаза, но не успел ответить, как Хэ Шаоцзюнь холодно произнес:

— Кого ты назвал любовником?

Дун Жуй, увидев в зеркале заднего вида холодный взгляд Хэ Шаоцзюня и его грозный вид, сразу сдался:

— Шучу, шучу.

Цюй Нин проехал еще около часа по шоссе, а затем они свернули, и Хэ Шаоцзюнь снова сел за руль. Все думали, что долгое путешествие наконец закончилось, но они и не подозревали, что самое тяжелое только начиналось.

Дорога стала грунтовой, и машину начало трясти так, что казалось, внутренности вот-вот вывернутся. Но это было еще не все. Когда они въехали на горный серпантин, началось настоящее испытание. Хэ Шаоцзюнь вел машину аккуратно, но дорога не помогала. Даже Дун Жуй и Ань И, которые обычно не страдали от укачивания, не выдержали и попросили остановиться, чтобы выйти и вырвать. Вэнь Цзыхуа уже был в полубессознательном состоянии.

Дун Жуй, присев на корточки, прополоскал рот водой и, смотря на Цюй Нина слезящимися глазами, чуть не заплакал:

— Эй, Цюй Нин, ты уверен, что не везешь нас сюда, чтобы продать в рабство?

Цюй Нин, глядя на далекие горы, сделал глубокий вдох и промолчал. Он не мог ответить, потому что боялся, что если откроет рот, его тоже вырвет. Он тоже был на грани и сам хотел спросить Хэ Шаоцзюня, что происходит.

Хэ Шаоцзюнь открыл бутылку воды и протянул ее Цюй Нину, который быстро сделал несколько глотков.

— Как ты? — Хэ Шаоцзюнь мягко погладил его по спине.

Цюй Нин махнул рукой, пытаясь подавить тошноту. Из всех пассажиров только Хэ Шаоцзюнь, который вел машину, и Сюэ Му чувствовали себя нормально. Цюй Нин восхищался Сюэ Му, думая, что его мама родила его правильно — у него был хорошо развит вестибулярный аппарат.

— Осталось максимум полчаса, держитесь, — Хэ Шаоцзюнь раздал всем конфеты.

Но все чувствовали себя на грани срыва. Лицо Вэнь Цзыхуа было бледным, как у мертвеца. Он сел в машину и буквально упал в объятия Дун Жуя. Если в самолете он чувствовал себя неловко, прижавшись к нему, то сейчас ему было все равно. Он просто искал место, где мог бы чувствовать себя спокойно.

Сюэ Му развернул конфету и поднес ее ко рту Ань И:

— Ты еще держишься?

Ань И взял конфету и кивнул. Он чувствовал, что с тех пор, как он повредил руку, Сюэ Му стал к нему особенно внимателен. Не то чтобы раньше он был плохим, но в последнее время он стал замечать мелочи, например, сейчас, когда Ань И не мог справиться левой рукой, Сюэ Му сам открыл для него конфету. Это было из-за его травмы или из-за того, что он получил ее ради него?

После еще получаса адских мучений машина наконец остановилась. Хэ Шаоцзюнь сказал:

— Мы приехали,

и все почувствовали облегчение, как будто им объявили амнистию. Выйдя из машины, Цюй Нин наконец смог осмотреться. Они остановились перед домом на сваях — типичной деревянной постройкой южного стиля, напоминающей те, что он видел по телевизору. Неподалеку стояли несколько таких же домов, окруженных деревьями, создавая атмосферу древности и уюта.

— Шаоцзюнь, Сюэ Му, вы приехали, — Из дома вышел мужчина лет тридцати и тепло поприветствовал Хэ Шаоцзюня.

— Тяньхун, это мои друзья, — Хэ Шаоцзюнь представил всех, а затем представил им мужчину.
— Это владелец дома, Сюй Тяньхун.

Цюй Нин подумал:

«Смотри, даже в деревне у людей такие величественные имена. Я думал, что здесь все, как в сериалах: мужчины — Да Нью, А Ван, а женщины — Гуйфэнь, Гуйхуа».

<http://bllate.org/book/16802/1545330>